

На правах рукописи

Дудин Павел Николаевич

**ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ
В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВВ.**

Специальность 07.00.03 – всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Улан-Удэ – 2020

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор, академик РАН
Базаров Борис Ванданович

Официальные оппоненты: **Лузянин Сергей Геннадьевич**, доктор исторических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», базовая кафедра Института Дальнего Востока Российской академии наук, профессор;

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», кафедра всеобщей истории, заведующий;

Наземцева Елена Николаевна, доктор исторических наук, доцент, ФГКВООУ ВО «Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации», 14-й отдел Научно-исследовательского института военной истории, старший научный сотрудник

Ведущая организация: ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук

Защита состоится 18 декабря 2020 г. в 10.00 ч. на заседании диссертационного совета Д003.027.01 на базе ФГБУН Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук по адресу: 670047, Российская Федерация, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке Федерального государственного бюджетного учреждения науки Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук (670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6) и на сайте www.imbt.ru.

Автореферат разослан 21 сентября 2020 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета



Жамсуева Дарима Санжиевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования вытекает из того значения и положения, которое Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики (далее – Внутренняя Монголия) занимал и продолжает занимать в Китайском государстве и системе международных отношений Восточной Азии.

Внутренняя Монголия в 1947 г. стала первой среди автономий обновленного социалистического Китая. Сегодня это один из пяти автономных районов, третья по размеру административно-территориальная единица (после Сицзян-Уйгурского и Тибетского автономных районов) с населением свыше 25 млн человек, из которого монголы составляют около 6 млн (9-е место среди национальных меньшинств КНР). Экономика автономного района в течение полутора десятилетий стала самой быстрорастущей по объемам валового регионального продукта. Своеобразное географическое положение и протяженность границ (включая и государственную границу КНР) предопределили влияние этого региона как на соседние провинции, так и Монголию и ряд российских субъектов, сделав его одним из важных факторов в геополитической ситуации не только Восточной Азии, но и всего Азиатского континента, а инициатива руководства КНР «Один пояс и один путь» обеспечила новые экономические и политические перспективы для Внутренней Монголии и ее населения.

Несмотря на обилие научных трудов, посвященных исследованию Внутренней Монголии в самых различных областях, на сегодня приходится констатировать, что общественно-политическая сторона автономного района, ее развитие в ретроспективе, место в структуре Китая как в прошлом, так и настоящем, другие аспекты государственной системы и государственности в целом изучены не в полном объеме, поскольку остается большое количество «белых пятен», не позволяющих в достаточной мере давать объективную оценку современным событиям или строить научный прогноз. Именно это обстоятельство заставляет нас еще раз обратить пристальное внимание на историю Внутренней Монголии и подойти к этому вопросу с междисциплинарных позиций.

Российская историография также не богата на научный материал, несмотря на то что Внутренняя Монголия играла весьма существенную роль в становлении и китайской, и монгольской (имея в виду современную Монголию, Монгол Улс) государственности, равно как и государственности народов Сибири и российского Дальнего Востока в первой половине XX в. Будучи предметом ожесточенных споров и противостояния различных государств, она регулярно появляется в международных договорах, соглашениях, государственных докладах и секретных записках, определяющих региональный порядок и направленных на обеспечение стратегического присутствия этих стран в Восточной Азии.

Ввиду географической, исторической и культурной близости Маньчжурии, развитие и статус которой также порождали геополитическое противостояние, судьба Внутренней Монголии тесным образом оказалась связана с судьбой маньчжурского региона и его населением, и связь эта не прекращается и поныне. Схожесть статуса Внутренней Монголии в составе империи Цин, Китайской Республики и КНР подводит нас к мысли о ее самодостаточности с точки зрения как формирования идей о собственной политической судьбе, так и их претворения в жизнь, а также способности к рефлексии и объективному переосмыслению своего места в монгольском мире. А знание этих аспектов в научной среде современных историков, востоковедов, юристов, политологов и специалистов в области международных отношений позволит более эффективно оценивать современную геополитическую ситуацию в Восточной Азии в целом и осуществлять ее прогноз.

Поэтому, не претендуя на всестороннее исследование, мы предпримем попытку дать ответы на некоторые из обозначенных выше вопросов и рассмотреть государственность Внутренней Монголии с опорой на имеющиеся архивные данные, научные труды и источники. Одновременно с этим, учитывая огромный фактический материал, находящийся в Китае, Японии, России и других государствах, до сих пор не введенный в научный оборот, мы оставляем место для других исследований в этом направлении, которые позволят более детально и предметно достраивать картину в отношении государственности Внутренней Монголии, Китая и сопредельных государств.

Степень научной разработанности темы исследования характеризуется наличием научных трудов отечественных и зарубежных исследователей. Отечественная историография подразделена нами на 4 периода, каждый из которых так или иначе дает представление о развитии монголоведения в целом, в том числе и о Внутренней Монголии: в Российской империи, СССР и Российской Федерации. В зависимости от специфики содержания работ некоторые из периодов разделены на группы, в которых труды имеют общее не только объектное, но и предметное поле. Китайская историография, ввиду ее обширности и разнородности, также поделена на периоды: в зависимости от внутривосточной конъюнктуры, безусловно, влияющей на содержание научного знания. Монгольская и западная научная литература относительно монолитна и немногочисленна по объему, поэтому периодизации не предполагает.

Цель работы: дать характеристику процесса становления государственности Внутренней Монголии в конце XIX – первой половине XX в. в контексте геополитических сценариев и исторических процессов, которые привели ее к статусу автономного района в составе Китайской Народной Республики.

Задачи работы:

– на основе анализа системы государственного устройства Внутренней Монголии определить статус ее государственных институтов в конце XIX – первой половине XX в.;

– определить место Внутренней Монголии и составляющих ее территорий в структуре империи Цин, а также предпосылки развития ее государственно-политических институтов в качестве одного из неотъемлемых элементов государственности в Восточной Азии в первой половине XX в.;

– выявить внутренние и внешние факторы трансформации статусов монгольских территорий в период между началом революционного движения и вторжением Японии в Маньчжурию;

– реконструировать политику японской стороны по преобразованию государственных систем монгольских территорий, оказавшихся в зоне японского влияния в период китайско-японского конфликта и второй Китайско-японской войны 1930–1940-х гг., и

встраиванию их в Великую Восточноазиатскую сферу взаимного процветания;

– охарактеризовать динамику государственных и политических институтов, исследовать ключевые события и обстоятельства, в которых разворачивалось автономистское движение в центральных аймаках Внутренней Монголии, воссоздать его ход, этапы и дать оценку достигнутым результатам;

– обосновать закономерность первой консолидации центральных аймаков Внутренней Монголии на базе государства Мэнцзян, определить его место в системе взаимоотношений в Маньчжурии и Внутренней Монголии в преддверии и во время Второй мировой войны;

– дать оценку действиям политических сил и государственных деятелей Внутренней Монголии в послевоенный период в попытках создания обновленных государственных институтов, а также эффективности этих институтов и политических организаций, созданных в период после завершения Второй мировой войны и до провозглашения Китайской Народной Республики;

– охарактеризовать роль и значение Коммунистической партии Китая в отношении национального, в том числе и монгольского, вопроса в послевоенный период.

Объектом исследования выступает Автономный район Внутренняя Монголия как составная часть Китайской Народной Республики, претерпевающая различные трансформации в области своей государственности.

Предмет исследования: закономерности и особенности исторического процесса развития государственности Внутренней Монголии на рубеже конца XIX – первой половины XX в., включая ее статус и позицию в отношении мировых держав – России и Японии.

Хронологические рамки исследования включают конец XIX – первую половину XX в., где нижней границей следует определить активизацию процесса колонизации монгольских земель, совпавшую с ослаблением империи Цин как на международной арене из-за ряда военных поражений, так и внутри страны. Поскольку данный процесс не происходил одновременно, а неэффективность государственного аппарата проявлялась постепенно, то и монгольская колонизация не происходила моментально и стихийно. Ключевыми историческими

событиями, к которым привязана нижняя граница, были поражение в первой Китайско-японской войне 1894–1895 гг. и утрата вассальной зависимости Кореи, серия новых неравноправных договоров относительно Цзяо-Чжоу (Киао-Чао), Ляодуна (Квантуна) и Вэйхайвэя, а также восстание ихэтуаней 1898–1901 гг., не только породившие фактический политический вакуум, но и вызвавшие всплеск националистических идей и во Внутреннем, и во Внешнем Китае, что наглядно демонстрировало ослабление государственного аппарата и вступление империи в завершающую стадию своего развития.

Верхняя граница обусловлена ликвидацией провинций Жэхэ, Чахара и Суйюани, включением их территорий в состав Автономного района Внутренняя Монголия и переносом его столицы в Хух-Хото, после чего становление государственности Внутренней Монголии осуществлялось в обновленном виде в русле социалистических идей и государствовоительства.

Территориальные рамки исследования охватывают современный Автономный район Внутренняя Монголия КНР, провинции Хэйлуцзян, Цзилинь и Ляонин, части провинций Шаньси (городские округа Датун, Шоучжоу и часть Синьчжоу) и Хэбэй (городской округ Чжанцзякоу), а также Нинся-Хуэйский автономный район.

Источники исследования определены, исходя из характера работы, и включают опубликованные и неопубликованные данные, имеющиеся в распоряжении отечественной, американской, европейской, китайской, монгольской, японской, малайской, сингапурской и австралийской исторической науки. Относительно небольшая группа источников – неопубликованный архивный материал, доступный в России и Монголии и недоступный – в КНР, в связи с чем приходилось опираться на опубликованные архивные сведения и отнести их в следующий блок источников. Опубликованные исторические источники в своем объеме и содержании более обширны и содержат ценный материал на русском, китайском, монгольском и английском языках.

Методологическая основа исследования обусловлена междисциплинарным характером работы при доминирующем присутствии исторического научного знания, подразделена на общенаучные, исторические, политологические и юридические

методы, подходы и принципы. Их обзор представлен в параграфе 1.3 диссертации. В этом же разделе дан перечень политологических и юридических дефиниций и категорий, используемых в ходе исследования, основания (причины) и способ их применения, а также дается пояснение особенностей работы с переводным материалом, вытекающих из этого проблем с именами, названиями географических объектов, органов власти и т. д., способы их решения.

Научная новизна работы определяется следующими результатами. Работа исследует развитие государственности Внутренней Монголии в противоречивый и малоизученный период истории Восточной Азии. Несмотря на обилие трудов относительно событий, происходящих в империи Цин и Китайской Республике, Внутренняя Монголия в них затрагивается поверхностно и даже с учетом того, что сложный и интересный путь развития этой части монгольских земель находит свое отражение в научных статьях и монографиях отечественных и зарубежных ученых, но их явно недостаточно. Сложившаяся научная традиция предполагает рассмотрение монгольской государственности в строго очерченном пространстве и государственных границах, тогда как мы в своей работе анализировали государственные институты Внутренней Монголии в их тесной взаимосвязи с другими монгольскими государственными образованиями, а также государственностью империи Цин и Китайской Республики. Это вызвано тем, что процесс политической трансформации и огосударствления имел разносторонний и многосекторный характер, не избежав внешнего влияния. Помимо этого нами предложен подход рассмотрения процесса становления ее государственности как составляющей не только развития китайской государственности, но и у всех монголоязычных народов Восточной Азии.

Учитывая, что архивные и другие источники, освещающие исследуемые нами события, незаслуженно выпали из исследовательского поля, введение их в оборот дало новые сведения по истории Внутренней Монголии. Особую роль здесь сыграли средства массовой информации Европы, Северной Америки, Азии и Австралии: именно с их помощью удалось реконструировать ряд процессов и событий, определяющих развитие монгольской

государственности, а также установить между ними причинно-следственную связь.

Дополнения и структурирования потребовали знания о китайской колонизации монгольских земель и ее механизмах, что позволило прийти к выводу о существенном влиянии этого процесса на формирование монгольской государственности, включая движение за независимость, трансформацию статусов монгольских территорий, консолидацию монгольских земель и наступившие политические последствия. В результате было сформировано собственное понимание колониционных процессов в их связке с присутствием в регионе российских и японских интересов и, как следствие – конкуренции моделей политий, находящихся под влиянием этих держав. Также осуществлен анализ трансформации государственных институтов Внутренней Монголии и их включения в государственный механизм Китайской Республики посредством создания особых районов/провинций. Это, в свою очередь, позволило выявить легальный способ соблюдения интересов монгольских элит при встраивании хошунов и аймаков Внутренней Монголии в государственную систему Китая.

Выявленная нами конкуренция сфер влияния и механизмов его обеспечения потребовала переосмысления роли и значения российской дипломатии в вопросах трансформации статусов монгольских земель после Синьхайской революции, учитывая, что японская сторона также активно использовала официальные и неофициальные каналы, включая и общественную дипломатию. В результате нами показан системный и планомерный характер работы представителей дипломатического корпуса нашей страны, позволивший для монгольской стороны добиться желаемого международно-правового положения, для российской/советской стороны – обеспечить свое стратегическое присутствие в регионе, а в целом для СССР и МНР – защитить свою территорию от планируемого японского вторжения и развязывания крупномасштабной войны, чего Внутренняя Монголия избежать не смогла.

Доступ к новым материалам позволил предложить новую трактовку причин провала движения за независимость Внутренней Монголии после Синьхайской революции. Оказалось возможным

доказать, что эти причины не ограничивались лишь тесной интеграцией с китайской государственностью и военным давлением нового республиканского руководства, а сводились к соглашательской позиции части монгольских князей, не желавших терять свои привилегии в случае создания единого Монгольского государства под властью Богдо-гэгэна.

Исследование национальной политики Маньчжоу-Го и ее последствий для развития монгольской государственности способствовало введению в научный оборот новых данных об автономиях и государствовподобных образованиях, претендующих на самостоятельный статус в 1930–1940-е гг., благодаря чему удалось сформировать понимание японской политики в этой части Восточной Азии по созданию Великой Восточноазиатской сферы взаимного процветания.

И, наконец, изучение государствовподобных образований на территории Внутренней Монголии после окончания Второй мировой войны и их политической судьбы позволило вывить закономерности успеха Коммунистической партии Китая по объединению этой части монгольских земель, приведшего к созданию Автономного района Внутренняя Монголия.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Историко-географическое пространство, именуемое в конце XIX – начале XX в. Монголией, традиционно сохраняло государственную организацию, установленную маньчжурскими императорами с ее географическим (на Внешнюю и Внутреннюю) и административным делением (на хошуны, объединенные в аймаки, консолидируемые в сеймы). Вместе с тем оно не представляло собой единой политической общности, что и позволило центральным властям добиться значительных успехов в колонизации и легальным способом ликвидировать остатки внутренней самостоятельности.

2. После Синьхайской революции 1911–1912 гг. и падения династии Цин в Халхе, Барге и центральных аймаках Внутренней Монголии государственные институты, влияющие на развитие государственности, претерпели различную степень преобразований. Их политическая судьба складывалась по-разному, что повлекло за собой различные исторические последствия как для всего региона в целом, так и для каждой из политий в частности. Эти преобразования

были обусловлены развитием экономики, промышленности, а также изменениями в международных отношениях, праве и регулировании общественных отношений, государственных системах ведущих держав, чего Монголия на себе на тот момент не испытывала. В совокупности все эти события, происходившие в России и Японии, отразились на политической судьбе Халхи, Барги и центральных аймаков Внутренней Монголии.

3. Доминирующей идеологической установкой, которую активно использовала японская сторона при установлении контроля над монгольскими территориями, была идея консолидации монгольских земель и восстановление сильной государственности, о которой на разных этапах своего развития заявляли политические элиты и их лидеры в Халхе, Барге и центральных аймаках Внутренней Монголии. Однако, если во Внешней Монголии от этой идеи отказались еще до подписания Кяхтинского соглашения 1915 г. (отчасти под воздействием российской стороны, не желавшей обострения отношений с Китаем и Японией из-за нерациональных притязаний халхаской элиты, отчасти из-за прагматизма Богдо-хана, не желавшего допускать даже потенциальную вероятность претензий на верховную власть со стороны чингизидов), то элиты Барги и Внутренней Монголии от этой идеи не отказались, что и послужило удобным средством для манипуляций со стороны командования Квантунской армии при выстраивании отношений, создании Хингана и Мэнцзяна.

4. Движение за автономию центральных аймаков Внутренней Монголии под руководством Дэ Вана на первоначальном этапе своего развития имело позитивный характер, поскольку было продиктовано, с одной стороны, желанием и стремлением к модернизации региона, для чего необходимы были определенные условия; с другой – необходимостью сохранения своей самобытности, чему прямо угрожала китайская колонизация. Однако опора на Японию, в частности на командование Квантунской армии, нивелировала возможные положительные моменты, а переоценка собственной важности и значимости для японской стороны, объясняемая отсутствием достаточного политического опыта, не только поставила регион в прямую зависимость от оккупационных сил, но и привела к многочисленным жертвам, превратив Дэ Вана из национального героя

в предателя, а автономистское движение – из борцов за монгольские интересы в коллаборационистов.

5. Консолидация монгольских земель и образование Мэнцзяна в 1937 г. – закономерный итог поступательной политики японской стороны по обеспечению своего присутствия в регионе. В отличие от Кореи, Япония не стала завоевывать этот регион, а в отличие от Хингана – делать его частью Маньчжоу-Го, хотя такая вероятность обсуждалась. Закрепив за собой лояльность молодых монголов, убедив их в правильности данного выбора на примере Хингана и пообещав гораздо большую свободу и возможность объединения монгольских земель под эгидой потомка Чингисхана, командование Квантунской армии совершило привычный маневр, централизовав подконтрольные территории: именно Мэнцзян выступал ядром процесса консолидации, а остальные автономии (Чадун, Чанань и Цзиньбэй) – сателлитами, ставшими в 1939 г. частью нового политического образования.

6. В отличие от Советской России, которая в отношении Внешней Монголии не только осуществила консолидацию этноса, но и создала завершённую государственную конструкцию в виде Монгольской Народной Республики, Япония ограничилась лишь внешним оформлением государственных институтов без их внутренней спайки. Поэтому эффективные при решении задач по обеспечению японского присутствия в регионе и пополнения его необходимыми ресурсами, но эти государственные институты оказались неэффективны без внешнего участия и были ликвидированы вместе с поражением Японии во Второй мировой войне.

7. Дальнейший распад и конкуренцию политических образований во Внутренней Монголии, претендующих на самостоятельность и добивающихся международного признания в период между 1945 и 1947 гг., оказалась способной прекратить только Коммунистическая партия Китая, лидеры которой прошли советскую школу государственного и партийного строительства, имели достаточный опыт и в военном, и в административном плане, что позволило им сформировать устойчивую конструкцию, ставшую первым автономным районом КНР, существующим до настоящего времени. При этом изменение позиции КПК в отношении национальных

регионов (с закрепленного в Конституции и других ключевых документах Китайской Советской Республики права на самоопределение вплоть до провозглашения независимости на статус широкой автономии в рамках унитарного государства) способствовало сохранению целостности территории Внутренней Монголии и интеграции в государственную систему КНР, эффективность построения которой доказана ее современным состоянием и развитием.

Теоретическая значимость исследования заключается в возможности на базе представленной работы осуществлять дальнейшие научные изыскания в области национальной политики, проводимой: (1) империей Цин на других подконтрольных ей территориях; (2) Китайской Республикой – в отношении претендуемых ею составных частей Маньчжурской империи; (3) Японией – в контролируемых ей регионах и государствах в период с 1940 по 1945 г. при конструировании Великой Восточноазиатской сферы взаимного процветания; (4) Китайской Народной Республикой – в отношении ее национальных регионов в период становления социалистической государственности, поскольку именно во Внутренней Монголии эта политика имела исходный успешный пример, способный к воспроизведению в других регионах.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных результатов при анализе развития государственных институтов и прогнозировании политических процессов в Восточной и Центральной Азии, понимания современной национальной политики в КНР, выработки государственной политики внешнеполитическим ведомством и другими уполномоченными структурами в отношении Монголии и КНР. Полученные результаты могут быть использованы при составлении методических материалов к учебным курсам истории Монголии, Китая, России, истории международных отношений в Восточной и Центральной Азии, а также в новых исследованиях истории Монголии, КНР и приграничных субъектов Российской Федерации.

Степень достоверности, апробация работы и личный вклад соискателя. Достоверность полученных и представленных научных результатов базируется на всестороннем анализе использованных

источников и научных работ по предмету исследования, а также на рациональной опоре на заявленную методологию при достижении цели и задач представленной работы.

Ключевые положения и выводы исследования прошли апробацию в процессе участия в работе круглых столов, семинаров и симпозиумов, на международных, всероссийских и региональных конференциях: международной научно-практической конференции «Халхин-Гол 1939 г. в мировой истории и международных отношениях: история, историография, концепции» (г. Иркутск, май 2014 г.); I и II международных научно-практических конференциях «Власть и насилие в незападных обществах: проблемы теоретического осмысления и опыт практического изучения» (г. Москва, март 2015 г., май 2016 г.); международной научно-практической конференции «Их Засаг-ийн эхийг эрэн сурвалжлах нь» (г. Улан-Батор, Монголия, май 2015 г.); VII, VIII международных научно-практических конференциях «Дипломатия на Востоке. Международные отношения в Центральной и Восточной Азии: история и современность» (г. Красноярск, июнь 2015 г.; г. Улан-Батор, июнь 2016 г.); VIII международной научно-практической конференции «Россия и Китай: история и культура» (г. Казань, сентябрь 2015 г.); международной научно-практической конференции «Инновации в науке, образовании и производстве Казахстана» (г. Алматы, Казахстан, ноябрь 2015 г.); VII межинститутской научно-практической конференции «Российская диаспора в странах Востока» (г. Москва, май 2016 г.); экспертном семинаре Экспертного института социальных исследований «Будущее России: формирование условий обеспечения безопасности и развития России на Дальнем Востоке» (г. Владивосток, март 2018 г.); международном научном семинаре «Социальный и культурный аспект тибетского буддизма в монголоязычном мире Внутренней Азии» (г. Варшава, Польша, июнь 2018 г.); международной научной конференции «75-летие Великой Победы: память, уроки, противодействие» (Москва, сентябрь 2020 г.).

Основные положения диссертации отражены в 16 статьях в рецензируемых отечественных журналах, рекомендованных ВАК, в том числе и в журналах, включенных в базы Scopus и Web of Science; 4 монографиях или разделах монографий на русском языке; 23 статьях в журналах, сборниках научных трудов и других изданиях на

русском языке; 3 статьях на русском и английском языках, изданных в Казахстане, КНР и Польше; 2 учебных пособиях. В совместные публикации каждый автор внес собственный и указанный в печатных листах вклад, остальные работы выполнены соискателем самостоятельно.

Структура и объем работы. Работа состоит из 5 глав, 16 параграфов, списка литературы и приложений. Приложения включают в себя таблицу соотношений видов (структуру) монгольских территорий в составе империи Цин и Китайской Республики, а также карты, выступающие иллюстрацией отраженных в диссертации сведений о (1) составе монгольских земель (Внешняя и Внутренняя Монголия, сеймы, аймаки и хошуны), в том числе и при разделении сфер влияния между Российской империей и Японией; (2) китайской колониционной политике, районировании и создании особых районов/провинций Жэхэ, Чахаре и Суйюани; (3) территориальной организации новых политий (Маньчжоу-Го и Мэнцзян).

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, дается общее описание степени ее научной разработанности с отсылкой к параграфу 1.1, в котором раскрывается этот вопрос, формулируются объект и предмет исследования, хронологические и территориальные рамки, цель и исследовательские задачи, теоретическая и практическая значимость диссертации, общее описание источниковой базы и методологи исследования с отсылкой к параграфам 1.2 и 1.3 соответственно, обосновывается научная новизна полученных результатов, определяются выносимые на защиту положения, приводятся сведения о степени достоверности, апробации работы и личном вкладе соискателя, а также о структуре диссертации.

Глава 1 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» посвящена развитию исторической науки в заданной исследовательской области, а также источникам и методам проведенного исследования.

В **параграфе 1.1 «Место исследований о Внутренней Монголии в отечественной и зарубежной историографии»** историография разделена на 4 периода. Первый, так называемый период имперской и постимперской этнографии, охватывающий конец XIX – 1920-е гг. Появление исследований вообще и исследователей по региону, в частности, вызвано тем, что Россия расширяет свои дальневосточные рубежи, активно взаимодействует с империей Цин как посредством торговли, так и заключая различного рода соглашения и договоры, прокладывая транспортные пути и среди них Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД), что требует знания не только основ права, государственного устройства, быта и т. п. внутренних вопросов самой империи, но и ее окраин, соприкасающихся с нашей границей. Однако, несмотря на все обилие и исследовательских экспедиций, и материалов, и отчетов, основная доля касалась географических характеристик, рельефа местности, состояния дорог и путей сообщения, пограничной инфраструктуры, торговли, данных о военном состоянии цинской стороны и т. д., в то время как политико-правовые аспекты и вопросы изучения государственности из поля зрения авторов выпадали. Второй период охватывает 1921–1945 гг., обусловлен созданием второго в мире социалистического государства

и завершается признанием независимости МНР со стороны гоминьдановского Китая. В отличие от предыдущего, научная литература в это время, во-первых, четко разделяет Внешнюю и Внутреннюю Монголию, поскольку отныне это не только географическое, но и в первую очередь идеологическое пространство; во-вторых, концентрирует исследовательское внимание на Внешней Монголии, ставшей в 1924 г. Монгольской Народной Республикой (МНР).

Подобное содержание работ обусловлено стратегической задачей: показать возможности социалистических идей в области государственного и национального строительства и доказать их эффективность. Внутренняя Монголия в данную идеологему не вписывается из-за прагматизма основной части ее политических элит, предпочтших поддержать республиканскую власть в Китае для сохранения своих привилегий, а также из-за фактического отсутствия политической целостности, что заставляет и в теории, и на практике представителей социалистического лагеря обращаться к отдельным лидерам и областям Внутренней Монголии. Поскольку на данном историческом этапе главным геополитическим конкурентом нашей страны в Восточной Азии становится Япония, борющаяся не только за гегемонию, но и китайские окраинные территории, регион отражен в научной литературе в двух ипостасях: (1) как придаток Китая или Маньчжурии; (2) как объект японских интересов, поэтому не воспринимается в качестве самостоятельной политической или исторической единицы. В целом же исследовательский интерес к Внутренней Монголии значительно уступал интересу к Внешней, где победила социалистическая революция и эту победу советским ученым нужно было конвертировать в научный результат, что и было с успехом сделано посредством заложения традиций современного монголоведения. Третий период охватывает вторую половину XX в. и обусловлен формированием послевоенного мироустройства в Восточной Азии, где появляются новые политические акторы в лице признанной со стороны Китая в 1946 г. Монгольской Народной Республики и созданной в октябре 1949 г. Китайской Народной Республики. Поскольку опыт создания Монгольского социалистического государства оказался настолько успешен, что получил международное признание, задача по его транслированию

как образцового у отечественной науки сохранялась. Поэтому Внутренняя Монголия, получившая в это же время статус автономного района, не могла восприниматься учеными равной Монгольской Народной Республике. И даже возрастающий интерес к Внутренней Монголии и рассмотрение ее не только в качестве объекта великодержавных интересов, но и одной из самых крупных частей нового государства не восполнил пробелов относительно ее государственности, а исследовательское поле оставило обширные лакуны. Четвертый период – современное российское монголоведение, формируемое в условиях многополярного мира и многовекторности интересов стран Восточной Азии. В 1990-е гг. отечественное монголоведение переживает подъем, связанный с исчезновением идеологических рамок, доступностью иностранной литературы и увеличением числа организаций, готовых осуществлять финансирование научных исследований. Большинство таких организаций располагается в западных странах, а выделяемые ими гранты имели конкретное целевое назначение, что в итоге отразилось на содержании научных работ, зачастую с явно прозападным уклоном. Безусловно, это коснулось исследований в отношении бывшей МНР, изменившей с принятием новой Конституции в 1992 г. название на «Монголия» или «Монгольское государство» (Монгол Улс). Но Внутренней Монголии по-прежнему уделяется крайне мало внимания, касаясь ее истории либо при обращении к истории Маньчжурии в первой половине XX в., либо при апелляции к более ранним исследованиям. И только с началом 2000-х гг. регион становится полноценным объектом изучения, а труды о нем занимают достойное место среди прочих монголоведческих трудов. Особенностью данного блока работ является открывшаяся перед учеными возможность доступа к архивным материалам, а также перераспределение государственного финансирования научных исследований среди отечественных научных фондов (прежде всего РГНФ). Это существенно увеличило объем работ, касающихся Внутренней Монголии, однако при этом не повлияло на их фрагментарность и сегментированный исследовательский характер.

Зарубежная научная мысль оказывается весьма неоднородной и нами подразделяется на китайское монголоведение, монгольскую научную литературу и труды западных ученых. Китайская литература

разнородна и всецело зависела и зависит от внутривосточной ситуации, поэтому мы условно делим ее на 4 периода: первый охватывает научные знания о Внутренней Монголии, сформированные до 1949 г., когда скудные сведения об этом регионе размещались преимущественно в периодической печати; второй период ведет свой отсчет от провозглашения КНР в 1949 г. и заканчивается так называемой великой культурной революцией в 1976 г.; третий характеризуется завершением культурной революции и очередным переосмыслением собственной истории, поэтому он относительно короткий по времени (1976–1985 гг.), но весьма насыщенный по содержанию; четвертый, современный, период берет свое начало с середины 1980-х гг., поскольку к этому времени культурная революция практически полностью завершилась, и правительство КНР принимает необходимые меры для нивелирования ее последствий, в том числе путем формирования патриотично настроенной нации и реставрации исторических традиций. Для китайской историографии в целом свойственно практически полное отсутствие доступного научного материала докоммунистического периода, а также факт того, что находящиеся в современном публичном доступе материалы и данные имеют цензурируемый характер, исследования выполнены и изложены в утвержденном ракурсе идеологического соответствия ограниченным кругом ученых, поэтому и воспринимать их надо сугубо с учетом этих обстоятельств.

При характеристике монгольской научной литературы следует иметь в виду, что общий настрой научных трудов, выходящих из-под пера монгольских авторов, совпадает с позицией советской науки относительно того, что государственность Внутренней Монголии не представляла собой столь активного развития, как государственность Халха-Монголии, была тесно вплетена в маньчжурскую государственную систему, а государственность в период японского доминирования носила искусственный характер. Этот настрой объясняется конкуренцией за лидерство в монголоязычном мире и преимуществом государственности Чингисхана, актуальность чего не исчерпана и в наши дни.

Западная научная монговедческая литература в целом характеризуется двумя сторонами: сильной и слабой. Сильной стороной является то, что исследователи США, Великобритании и

других государств получили возможность работать с вывезенным из Китая во время отступления японской армии (а позже – во время бегства гоминьдановцев на Тайвань) обширным архивным материалом о китайско-японских отношениях в первой половине XX в. Слабая сторона в том, что большинство этих исследователей, заложивших основы монголоведческой науки в 1950–1970-е гг., во-первых, не работали с архивами в КНР и не могут этого делать в настоящее время; во-вторых, никогда не были в Китае – ни в республиканском, ни в коммунистическом. В целом же западные гуманитарные науки, по нашему мнению, относились к Внутренней Монголии весьма поверхностно.

В итоге, несмотря на обилие как отечественных, так и зарубежных исследований, предметного изучения Внутренней Монголии и ее государственных институтов в переломную для региона эпоху на рубеже XIX – первой половине XX в. до настоящего времени не осуществлялось. Этот пробел и призвана компенсировать настоящая работа.

Параграф 1.2 «Источниковедческая база исследования» подразделяет источники на неопубликованные и опубликованные. В свою очередь к неопубликованным историческим источникам на русском языке относятся архивные документы – Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), в котором хранятся документы, относящиеся к КВЖД и деятельности наших соотечественников из различных ведомств в регионе; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), в котором хранятся 6 коллекций фондов, относящихся к предмету нашего исследования. Прежде всего это фонд 514 «Коммунистическая партия Китая (1919–1946)» с описями 1 «Документы КП Китая», 1919–1946 гг., 2 «Документы Народно-революционной партии Внутренней Монголии», 1925–1943 гг., и 3 «Коллекция документов Мао-Цзедуна», 1923–1940 гг., в которых содержатся агентская переписка, доклады и записки, личные сведения и т. д. Также важное значение имеет фонд 495 «Исполнительный комитет Коминтерна (ИККИ) (1919–1943)», описи 152 «Монгольская народно-революционная партия (МНРП)», 1918–1937 гг., и 242 «Компартия Монголии. Личные дела»: записки, доклады, проекты документов об агентурной деятельности в МНР и деятельности во

Внутренней Монголии, данные о НРПВМ, ее руководящем составе и бывших лидерах Бай Юньти, Мэрсэ и Фу Минтае, отдельные документы касаются Пачнен-ламы IX (Банчен-Богдо) и его деятельности в регионе. В-третьих, безусловно, это зарубежные, прежде всего монгольские, архивы, которые, в отличие от архивов КНР, оказываются доступными для российских исследователей. Среди всего обилия фондов следует упомянуть об Архиве Института истории Академии наук Монголии в Улан-Баторе (ТХА – Түүхийн хүрээлэнгийн архив, Монгол Шинжлэх Ухааны академи), а также Центральный национальный архив Монголии в Улан-Баторе (МУУТА – Монгол Улсын Үндэсний төв архив).

Опубликованную базу источников можно разделить на несколько групп, каждая из которых уникальна тем, что содержит тот объем информации по предмету исследования, который, как правило, отсутствует в широком или свободном доступе для отечественных исследователей. Это опубликованные исторические источники на русском и китайской языках; справочная литература на русском, китайском и монгольском языках; нормативные правовые акты на русском языке; средства массовой информации на английском и китайском языках.

Параграф 1.3 «Теоретико-методологическая база исследования» содержит используемую в работе методологию, принципы и подходы, которые подразделяются на несколько групп. Во-первых, это общенаучные методы и принципы: диалектический, или общефилософский, метод, принцип объективности, метод восхождения от абстрактного к конкретному, методы анализа и синтеза, дедукции и индукции, аналогии. Во-вторых, это исторические методы, принципы и подходы: проблемно-хронологический подход, метод периодизации, описательно-повествовательный метод, нарративный подход, принцип историзма, сравнительно-исторический, историко-системный, ретроспективный, статистический и структурный методы, внешняя и внутренняя критика источника и его текстологический анализ. В-третьих, это политологические и правовые методы и подходы: кроссисторические сравнения, функциональный и поведенческий подходы, сбор данных, тематический мониторинг зарубежных СМИ, дискурс-анализ, контекстный анализ, а также неоинституциональный подход.

Помимо этого, в ходе исследования осуществлена опора на ряд правовых или околоправовых концепций, актуальных для своего времени: концепции государственности и государственного суверенитета, субъектов международных отношений (международных лиц), государственной территории, населения (как и вопросы соотношения международного и национального права, юрисдикции, государственных сервитутов, цессии), категория международных лиц в качестве субъектов международного права и участников международных отношений, понятие государства, отдельные позиции относительно учений Конфуция и принципы воли Неба и Ван-Дао (Царского пути), теории международного признания, категории сателлитов, концепции буферных зон и государств, автономных государств, псевдонаучного понятия марионеточного государства, квазигосударства, а также категорий оккупации и интервенции.

Следует оговориться, что некоторые конструкции, термины и позиции, используемые в работе, исходя из междисциплинарного характера исследования, могут вызывать различное отношение среди представителей разных гуманитарных наук, однако в сложившихся условиях подобный подход оказался необходимым. Во-первых, мы не изучали непосредственно военные действия, операции, сражения и т. д., а упоминаем о них лишь отсылкой к таковым, предоставляя читателю возможность ознакомиться с имеющимися обширными материалами самостоятельно. Во-вторых, перевод англоязычных текстов нами осуществлен самостоятельно, имена, названия географических объектов, государственных органов и т.д. даны в авторском переводе и интерпретации. Перевод с восточных языков большинства текстов является авторским, но осуществленным с участием профессиональных переводчиков. В-третьих, написание в тексте работы названий органов управления, государственной власти, иных публично-властных и государственных институтов, нормативных правовых актов даны в авторской редакции. В-четвертых, для удобства и унификации восприятия текста в большинстве случаев, там, где это допустимо, мы используем привычные названия вместо официальных. В-пятых, официально признаваемое международным сообществом китайское руководство нами именуется как центральное правительство, центральное

руководство, руководство Китая и т. д., тогда, когда речь пойдет о государственных образованиях и правительственных структурах коллаборационистов, мы делаем отдельную оговорку или эти структуры берем в кавычки. В остальном мы придерживаемся устоявшейся научной традиции.

Глава 2 «Монгольский мир империи Цин и российско-цинского фронта в период республики (конец XIX в. – 1931 г.)» посвящена анализу состояния монгольских земель, входящих в начале XX в. в состав империи Цин. Рассматривается статус Халха-Монголии, Барги и Внутренней Монголии и его трансформация в обозначенный исторический отрезок времени. Данный этап можно назвать периодом первого распада Монголии в Новейшее время, не консолидированных политий, объединенных общностью международно-правового и внутригосударственного статуса в составе империи Цин.

Содержание параграфа **2.1 «Колонизационная политика цинских и республиканских властей и ее последствия для Внутренней Монголии и монгольских районов Маньчжурии: дуальность государственных институтов управления монгольскими территориями»** заключается в исследовании колониационного механизма, используемого сначала маньчжурскими, а затем и республиканскими властями. Это позволило на легальных основаниях, минуя древние маньчжурско-монгольские договоренности, начать процесс подчинения Монголии прямому управлению из Пекина и заселения ее китайскими колонизаторами. Параграф разбит на 5 смысловых блоков: в первом дается описание монгольской администрации и системы управления; во втором непосредственно исследуются шаги по колонизации и их промежуточные результаты к моменту начала Синьхайской революции; третий блок характеризует китайскую администрацию на занятых монгольских землях и ее организационно-территориальную основу; в четвертом показано место центральной власти после провозглашения республики и интеграция в ее структуру монгольских территорий, а в пятом непосредственно изучено место особых районов и хошунов на территории Внутренней Монголии в структуре китайской государственности и ее состояние к 1928–1931 гг., когда процесс колонизации получил организационно-

правовое завершение преобразованием особых районов в провинции и принятием Закона об организации монгольских аймаков, окончательно упразднившего прежние нормы существования монгольских земель и легализовавшего китайскую власть на монгольской территории.

Поскольку наиболее желаемую и приемлемую модель монгольской государственности после Синьхайской революции задавала Внешняя Монголия при поддержке России, вопросу ее становления и достигнутым результатам посвящен параграф **2.2 «Трансформация статуса Халха-Монголии в первой декаде XX в. и маневры российской/советской стороны при формировании монгольской государственности в зоне своего влияния»**. Ключевое внимание уделено роли и действиям российской стороны в деле обеспечения самостоятельности Халхи. Оставив в стороне изученные события и факты, основной упор сделан, во-первых, на характеристику Халхи как отличной от Внутренней Монголии территории на момент начала борьбы за независимость в 1911 г.; во-вторых, определение роли России и российской политики в отношении Халхи и ее результатах; в-третьих, причины и последствия крушения Кяхтинской системы международных отношений в регионе. С целью подтверждения посылки о ключевой роли советской стороны в обеспечении самостоятельности Внешней Монголии/МНР приводится сравнительный анализ становления государственных и правовых институтов других монголоязычных народов региона на территории современных республик Бурятия и Тыва. Внутренняя и внешняя схожесть этих институтов, их синхронное развитие и промежуточный исторический итог, выразившийся в создании трех республик, с разным международно-правовым статусом, но одинаковыми условиями и факторами дальнейшего социалистического развития, доказали правильность выбранного исторического пути.

Аналогичная предыдущей задача решалась и в параграфе **2.3 «Автономия Барги в составе Китайской Республики и действия Русской дипломатической миссии в Пекине по обеспечению статуса Хулун-Буира»**. Приводится краткая история заселения региона разными народами, что обусловило создание для них отдельных хошунов и формирование особых институтов управления

– родовых и пограничных, которые сохранились и после Синьхайской революции. Равно как и Халха, Барга входила в сферу российских интересов. Но, несмотря на тяготение к Внешней Монголии в период попыток последней добиться независимости, округ в итоге предпочел стать обособленной автономной единицей под прямым управлением президента республики с предоставлением широкой автономии и гарантий невмешательства во внутренние дела, что было выгодно и российской, и китайской, и баргинской сторонам. Вслед за распадом Российской империи и ликвидацией полосы отчуждения КВЖД, осознавая невозможность противостоять китайской стороне в этом устремлении, политические элиты региона обратились к руководству Китая с просьбой пересмотреть свой статус, что и было сделано, а округ вошел в состав Хэйлуңцзяна. Данный факт предопределил будущее Барги, которая отныне навсегда оставалась в составе КНР с сохранением монгольской администрации и родовых институтов управления, но переподчинением их хулун-буирскому губернатору. Барга стала своеобразной этнополитической смычкой между МНР и Китаем с точки зрения обеспечения как китайского, так и, возможно, японского присутствия.

Наконец, завершающим элементом характеристики монгольской государственности в постреволюционный период служит **параграф 2.4 «Внутренняя Монголия и монгольские государственные институты после Синьхайской революции»**, в котором исследовательское внимание сосредоточено на центральных районах Внутренней Монголии в границах Жэхэ, Чахара и Суйюани. Одним из наиболее ярких событий, связанных с попытками провозглашения независимости, стали 2 так называемых съезда монгольских князей восточных хошунов, проведенные в 1912 и 1913 гг. в составе представителей 10 чжеримских князей или их ближайших сподвижников, высказавшихся за сохранение в составе Китайской Республики. Особое внимание уделено Бюро/Комиссии по делам Монголии и Тибета как преемнику Палаты внешних сношений (Лифаньюань) в процессе управления монгольскими территориями. Также исследуется японская политика в регионе, которая, используя инструменты «мягкой силы», обеспечила себе лояльность со стороны так называемых молодых монголов, возглавивших позднее автономистское движение. Изучена роль Народно-революционной

партии Внутренней Монголии в борьбе за независимость от Китая и в мобилизации местного населения на революционную борьбу. С помощью обширного архивного материала реконструирована внутривластная ситуация, выявлены причины провала социалистического движения в регионе, заключающиеся в отсутствии крепкой социальной базы, четкой организационной структуры и должного опыта. При этом сопутствующие панмонголистские настроения, вдохновляющие японскую сторону, настораживали Коминтерн и советское руководство, что в итоге привело к роспуску НРПВМ.

В главе 3 **«Монгольская государственность в Маньчжоу-Го и зоне маньчжурско-монгольского приграничья (1931–1945 гг.)»** исследуется природа государственности той части территории Внутренней Монголии, которая в период китайско-японского конфликта в 1931–1945 гг. входила в состав Маньчжоу-Го или контролировалась им из-за приближенности к маньчжурской границе и своего стратегического положения.

В параграфе 3.1 **«Место и роль Маньчжоу-Го в системе регионального политического порядка»** показан процесс трансформации статуса Маньчжурии, бывшей родовой вотчины императорского дома, которая претерпела серьезные административно-территориальные преобразования, приведшие к созданию на политической карте Китая новых провинций. После образования Маньчжоу-Го важное значение имела деятельность комиссии под руководством лорда Виктора Бульвер-Литтона. Последствия этой деятельности спровоцировали Японию к радикальным действиям. Однако природа высших органов государственной власти Маньчжоу-Го в научное поле практически не попадала, что и компенсировал настоящий параграф.

Особое внимание уделялось национальному вопросу, подробно изученному, равно как и практика его разрешения, на примере провинции Хинган, в параграфе 3.2 **«Формирование монгольской автономии – провинции Синъань (Хинган)»**. Именно эта провинция и созданная в ней модель взаимоотношений в формате так называемого Хинганского проекта должна была служить примером и образцом для всех малых народов, на которые Япония собиралась распространить свое влияние. Показана региональная система

управления, не предполагающая централизации и замыкающаяся на аналоге Бюро/Комиссии по делам Монголии и Тибета Китайской Республики – Управлении/ Главном управлении/Министерстве/ Управлении по делам Монголии. Также исследована и реконструирована политика в отношении территориальной организации новой провинции. Изучено правовое положение двух районов с особым статусом: района казачьей станицы Трехречья (долины рек Гана, Дербула и Хаула) во главе со станичным атаманом и административным центром в пос. Драгоценка, а также бывшего Особого района трех восточных провинций. Ключевое внимание сосредоточено на фигуре первого губернатора Северной области/ губернаторства – сыне хулун-буирского фудутуна Гуй Фу по имени Лин Шэн, с которым связаны наиболее драматичные события в регионе, послужившие переломным моментом в отношении монголов с японцами как в Манчжурии, так и во Внутренней Монголии. Они вошли в историю как «инцидент с Лин Шэном» и привели к провалу Хинганского проекта.

Иной формат монгольской автономии складывался на границе Жэхэ и Чахара, он раскрывается в **параграфе 3.3 «Восточный Чахар и автономия района Чадун»**. Особый автономный район Чадун или, как называла его зарубежная пресса, автономия Восточного Чахара, формально был первой автономией среди череды буферных политий, создаваемых японскими военными в период вторжения на континент. Несмотря на свои небольшие размеры, район играл крайне важную роль в продвижении японской армии и ее союзников на запад. Именно поэтому в данном разделе были рассмотрены идеологические основы формирования Чадунской автономии, место и роль ее главных политических фигур как со стороны союзников, так и китайской стороны, а также приведена хронология событий.

Основными действующим лицами в этих процессах выступили этнический монгол Ли Шоусинь, фактически возглавивший монгольские объединенные вооруженные силы в союзе с войсками Маньчжоу-Го, а также Лю Квейтан, командовавший отрядами бандитов и считавшийся одним из администраторов района Чадун. Модель оказалась эффективной и была позднее воспринята при конструировании государственных институтов автономии Восточного Хэбэя и других переходящих под японский контроль ханьских

территорий. Специфика этой модели заключалась в том, что у нее отсутствовала сколько-нибудь значимая историческая или этническая основа, а национальный аспект выступал в качестве вспомогательного инструмента, а не основного, как это было в Хингане или Монгольской автономии Чахара и Суйюани. После решения ряда стратегических задач происходит объединение режимов, контролируемых Дэ Ваном и Ли Шоусинем, что позволило вести речь о полноценной политической структуре, формируемой на базе Монгол-Го, и о возможности в ближайшем будущем повторить опыт Маньчжоу-Го с провозглашением независимости от Нанкина.

Именно этому процессу, его предпосылкам, условиям и последствиям посвящена **глава 4 «Автономизация центральных аймаков Внутренней Монголии в преддверии и период китайско-японского конфликта и второй Китайско-японской войны (1932–1937 гг.)»**, структурное деление которой соответствует основным этапам развития монгольской государственности на данной территории.

Параграф 4.1 «Монгольская Автономия и ее место в структуре Китайской Республики» сосредоточил исследовательское внимание на этапе формирования Монгольской автономии, в состав которой вошли земли сеймов Шилин-Гола, Улан-Цаба и Их-Чжу. После съездов монгольской знати вновь возник вопрос об определенных гарантиях со стороны центрального правительства, который к осени 1933 г. перерос в полномасштабное движение за автономию. Несмотря на ряд разногласий, монгольской и китайской сторонам без участия Панчен-ламы IX удалось достигнуть консенсуса. В результате 1 января 1934 г. Исполнительный юань провел заседание, на котором был окончательно решен вопрос автономии. 23 апреля 1934 г. в монастыре Байлинмяо состоялась церемония открытия Политического совета Монгольской автономии, который получил в обиходе наименование автономного правительства Внутренней Монголии. Однако достигнутый результат оказался недолговечным. Неразрешенные противоречия между старой монгольской аристократией во главе с Юнь Ваном, желавшей сохранить свои привилегии, гарантированные нанкинским правительством, и молодыми монголами во главе с Дэ Ваном, получившими хорошее образование за рубежом и стремившимися к реформам и включению

Внутренней Монголии в модернизационные процессы, происходящие в мире, привели к открытым столкновениям и переходу молодых монголов на сторону японцев.

Изучению этих событий и их последствий посвящен **параграф 4.2 «Военное правительство Внутренней Монголии – на пути к независимости»**. В ответ на ряд поспешных и ошибочных решений нанкинского правительства Дэ Ван и его сторонники 20 апреля 1936 г. созвали очередной съезд, на котором 25 апреля 1936 г. был сформирован новый монгольский Политический совет, а 12 мая – Военное правительство. В качестве главы правительства как компромиссная фигура приглашается князь Юнь Ван. В этот же период происходит объединение с районом Чадун, в связи с чем фактически главным действующим лицом становится Ли Шоусинь, в распоряжении которого находился крупный маньчжурский корпус солдат. Ситуация развивается по аналогии с Маньчжоу-Го. На фоне инцидента с Лин Шэном японцы устанавливают более пристальный контроль над Дэ Ваном, снабжая его своими «телохранителями». Командование Квантунской армии откладывает процедуру провозглашения независимости из-за неопределенного будущего японской политики в Северном Китае и угрозы осложнения международной обстановки. Поэтому в состоянии неопределенности Чахар остается до июля 1937 г., когда противостояние переросло в полномасштабную войну.

А в Суйюани продвижение японской стороны было связано с двумя кампаниями, одна из которых закончилась разгромом и перегруппировкой сил, а другая – захватом Гуйсуя и большей части территории этой провинции, чему посвящен **параграф 4.3 «Суйюаньские кампании 1936 и 1937 гг. в преддверии второй Китайско-японской войны»**. И для китайской, и для японской стороны обеспечение контроля над этой частью монгольских земель было крайне важной задачей. Первая кампания растянулась на 11 месяцев, начавшись в январе и завершившись в конце ноября 1936 г. разгромом союзных маньчжуро-монгольских войск и захватом силами Фу Цзои бывшей столицы Монгольской автономии. Перегруппировка заняла около 5 месяцев. В конце мая 1937 г. началась вторая кампания, по итогам которой союзные войска заняли Байлинмяо, Гуйсуй и обеспечили возможность установления

контроля над Северной Шаньси и Южным Чахаром, где были сформированы автономистские режимы. Как для японцев точкой невозврата в отношении монголов Маньчжурии и Хингана стал инцидент с Лин Шэном, так для Дэ Вана и его сподвижников такое же значение приобрели события в Суйюани. Здесь военные стычки и провокации переросли в полномасштабные боевые действия, повлекшие за собой жертвы не только среди китайского, но и монгольского населения, которые можно было оправдать только независимостью, пусть и формальной.

Следующий этап развития государственности Внутренней Монголии представлен в **главе 5 «Консолидация и суверенизация монгольских земель: Внутренняя Монголия между началом второй Китайско-японской войны и провозглашением КНР»**. Данный временной отрезок характеризуется периодом первого объединения (в пределах Мэнцзяна, 1937–1945), второго распада (на несколько политий, 1945–1947) и второго объединения (в пределах Автономного района Внутренняя Монголия, 1947–1954).

В **параграфе 5.1 «Объединение монгольских земель под японским контролем: создание и падение Мэнцзяна»** исследуется процесс консолидации монгольских земель и создание государства-«близнеца» Маньчжоу-Го – Мэнцзяна на базе конфедеративного образования под управлением Объединенного совета автономных монгольских аймаков, называемого отныне автономным правительством Внутренней Монголии. Основу конфедерации составили территории, управляемые автономным правительством Южного Чахара, аналогичной структурой в Северной Шаньси, и правительственными органами Монгольского государства (Монгол-Го), созданного в качестве буфера между Северным Китаем и Внешней Монголией вслед за взятием Гуйсуя в октябре 1937 г. Президентом нового государства становится Юнь Ван, а после его смерти в 1938 г. – Дэ Ван. Верность Нанкину сохраняла небольшая группа князей во главе с Шагдуржавом, председателем Суйюаньского политического совета. 1 сентября 1939 г. все 3 режима были консолидированы в федеративное государство. Управление Внутренней Монголией отныне осуществлялось Объединенным автономным правительством Мэнцзяна, во главе которого опять находился князь Дэ. После объединения всех контролируемых

японцами территорий Северного и Восточного Китая в начале 1940 г. Внутренняя Монголия лишалась даже формального суверенитета, а 4 августа 1941 г. в составе альтернативной Китайской Республики под управлением Ван Цзинвэя Мэнцзян был преобразован в автономное Монгольское государство. В итоге все усилия монгольского руководства были сведены на нет: Мэнцзян не только не получил независимости, но и был возвращен в состав контролируемой японцами части Китая. В августе 1945 г., после поражения Японии, были ликвидированы все государства, созданные с участием Квантунской армии, включая и автономное Монгольское государство, а их лидеры арестованы либо подвергнуты длительным тюремным срокам, либо казнены.

Однако на этом автономистское движение на территории Внутренней Монголии себя не исчерпало – к нему вернется уже нанкинское правительство, безнадежно проигрывающее в войне с коммунистами в конце 1948 г. – начале 1949 г., чему посвящен **параграф 5.2. «Монгольские национальные окраины Западного Китая: создание и упразднение Алашаньской Республики»**. На этом этапе Дэ Ван в начале апреля – начале сентября 1949 г. при поддержке Гоминьдана совместно со своими сторонниками провозглашает создание Западно-Монгольской автономии, или Алашаньской Республики. 8 августа Дэ Ван избран в качестве ее президента. Началась работа по формированию руководящих органов. Однако уже в середине сентября под натиском НОАК сдались все крупные населенные пункты Алашани, а в ночь на 19 сентября коммунисты овладели столицей автономии Иньчуанем. В этот же день произошло восстание в соседней провинции Суйюань, и она также перешла под власть коммунистов. Дэ Вана в Иньчуани не оказалось – ему удалось уйти на территорию МНР, где он был арестован в феврале 1950 г. и переправлен в КНР.

Наконец, в параграфе **5.3 «Государствоподобные образования в центральных и восточных районах Внутренней Монголии. Статус Хулун-Буира после Второй мировой войны»** дается анализ процесса объединения земель Внутренней Монголии и образование Автономного района Внутренняя Монголия. Данный период характеризуется созданием на территории региона нескольких государствоподобных образований, часть из которых пыталась

добиться государственного суверенитета, а часть взяла курс на поддержку Коммунистической партии Китая в борьбе с Гоминьданом. В связи с тем что на территории Северо-Восточного Китая эта борьба принимала самый ожесточенный характер, монгольские земли переходили из рук в руки, что порождало политический хаос и двоевластие на территории провинции Хинган и округа Хулун-Буир. Среди создаваемых политий фигурируют: Временное правительство Внутренней Монголии (сентябрь-ноябрь 1945 г.); движение за создание Федеративной автономии Внутренней Монголии (октябрь 1945 г. – апрель 1947 г.); Народное автономное правительство Восточной Монголии (январь-апрель 1946 г.); Автономное правительство Внутренней Монголии (апрель 1947 г. – декабрь 1949 г.), преобразованное в народное правительство Автономного района Внутренняя Монголия. 15 декабря 1949 г. начался переезд последнего из Улан-Хото в Чжанцзякоу, растянувшийся до 25 июня 1950 г. Однако после включения в состав автономного района провинций Жэхэ, Чахара, а с 6 марта 1954 г. и Суйюани, новым административным центром определяется Гуйсуй, вернувший себе в апреле 1954 г. монгольское название – Хух-Хото. На этом завершается объединение земель Внутренней Монголии и начинается новая страница становления ее государственности.

В **Заключении** подводятся общий итог проделанной работе и на основе проведенного анализа государственности по определению статуса государственных институтов Внутренней Монголии в конце XIX – первой половине XX в., можно констатировать, что на протяжении всей своей истории с момента формирования в начале XVI в. в Южной Монголии в качестве обособленной области среди распавшейся империи Чингисхана ее государственность развивалась по собственному сценарию. Хотя он не слишком отличался от развития государственности других монгольских земель в ядре ключевых институтов, однако имел свою специфику, продиктованную двумя основными факторами: близостью к ханьским границам и фронтирным характером территории, позволяющей снижать накал между борющимися державами в регионе и выступать в течение нескольких столетий в роли своеобразного амортизатора и буфера.

Определяя место Монголии и составляющих ее территорий в структуре империи Цин, следует обратить внимание, что, во-первых, Монголия сохранила свою обособленность и древний уклад государственных институтов, политической и социальной жизни, который не претерпел существенных изменений со времени вхождения в состав империи. Фактическое положение Монголии определялось как автономное государство в составе классической империи. Во-вторых, отличие от классического государства с единым властным центром, таковой у Монголии отсутствовал. В-третьих, китайская колонизация традиционно преподносится как раздражающий фактор всего монгольского общества, в своей основе выступал таковым для простого населения. Однако нами установлено, что князья успевали извлекать из этого немалую прибыль посредством продажи хошунных земель китайцам, в связи с чем были наименее пострадавшей от колонизации стороной и могли допускать ее осуществление на определенных территориях и в разумных пределах.

Характеризуя внутренние и внешние факторы трансформации статусов монгольских территорий в период между началом революционного движения и вторжением Японии в Маньчжурию, отметим, что новая республиканская власть с задачей консолидации созданных на территории восточных аймаков Внутренней Монголии поселений в административные единицы справилась более успешно, чем имперская. Получив в очередной раз необходимые гарантии лояльности, гибкие статусы особых районов преобразуются в жесткие конструкции провинций с прямым подчинением губернаторам. Вместо Палаты внешних сношений формируется новая государственная структура по делам Монголии и Тибета, во главе которой для удовлетворения национальной гордости республиканская власть ставит этнического монгола. В целом же созданная система показала свою эффективность: территория Внутренней Монголии не отделилась от Китая, отдельные акты неповиновения были быстро подавлены без резонансных столкновений и массового кровопролития, а территории оказались способны к управлению. Что касается внешних факторов, то одним из ключевых выступала наша страна и ее притязания в Восточной Азии, особенно ярко проявившийся при строительстве КВЖД и попытках установить

контроль над Кореей, на фоне чего свои интересы проявила и отстояла Япония. В итоге обе державы закреплялись в регионе, не нарушая нормы международного права и формальный китайский суверенитет над монгольскими территориями, с помощью различных инструментов минимизировали вероятность его покидания. Китай оказался настолько слабым, что не имел фактической возможности этому противостоять. Монгольские же политические элиты восприняли это присутствие как единственную возможность противостоять китайской колонизации.

После серии неудачных попыток получить государственный суверенитет монголы сохранили автономный статус в структуре слабого Китайского государства (Халха и Барга) или попытались максимально снизить последствия китайской колонизации путем контактов и проектов с японской стороной (восточные аймаки Внутренней Монголии). Учитывая различную степень влияния Российской империи/РСФСР/СССР и Японии на основные государственные институты Халхи, Барги и центральных аймаков Внутренней Монголии, развитие последних после 1911 г. пошло своими особыми путями.

Реконструируя политику японской стороны по преобразованию государственных систем монгольских территорий, оказавшихся в зоне японского влияния, необходимо учитывать 2 фактора: устремления, которые заставляли политические элиты принимать те или иные решения, и результаты этих решений и действий. Внутренняя Монголия в разгар китайско-японского конфликта для японцев выступала в двух ипостасях: как плацдарм для продвижения и закрепления на континенте, так и буфер, защищающий подконтрольные территории от разрушительного влияния коммунистической идеологии. Именно для этого на подконтрольных маньчжурских и монгольских территориях создается ряд модельных государственных образований, опыт функционирования которых затем тиражировался на государства Южной и Юго-Восточной Азии при выстраивании Великой Восточноазиатской сферы взаимного процветания: Маньчжоу-Го и монархическая государственность – для королевств Кампучия, Таиланд, Лаос, государства Бирма, Вьетнамской империи; Мэнцзян – для альтернативной «Китайской Республики» под управлением Ван Цзинвэя, Республики Филиппин,

Свободной Индии, а также Индонезии на первом этапе движения за независимость уже после капитуляции Японии. Безусловно, не происходило слепого копирования государственных институтов, учитывались местные особенности, но принципы построения государственности были здесь во многом идентичными.

Сам же Мэнцзян некоторое время претендовала на роль единственного современного Монгольского государства – преемника империи Чингисхана. Поэтому, обозначая динамику государственных и политических институтов при начале и развитии автономистского движения, отметим, что регион продемонстрировал на каждом этапе своего развития и Гоминьдану, и КПК объективную потребность в сохранении единства монгольского народа и его развития на территории исконного проживания, а также потребность в необходимых для этого правах и инструментах.

Переходя к обоснованию закономерности первой консолидации центральных аймаков Внутренней Монголии на базе государства Мэнцзян, необходимо констатировать последовательность японской стороны в своих решениях и их претворении в жизнь. Именно центральные аймаки Внутренней Монголии прошли все этапы пути к повышению статуса на внутривосточной и международной арене: часть китайской провинции – автономия в составе Китайской Республики – полунезависимое политическое образование – независимое (самопровозглашенное) государство – национальная Монгольская федерация. В отличие от провинции Хинган в составе Маньчжоу-Го, в отношении которого японцы никогда не давали повода для дискуссий о самостоятельности, в отношении Мэнцзяна разыгрывался иной сценарий: поступательное развитие государственности в сторону формальной независимости. В отличие от Хингана, где и территория, и населяющие ее народы были консолидированы в силу исторических и географических условий, ситуация в центральных аймаках была иной, как и мотивация этнолидеров.

Ведя речь о действиях политических сил и государственных деятелей Внутренней Монголии в послевоенный период в попытках создания обновленных государственных институтов, отметим, что их неэффективность и недолговечность была вызвана слабой социальной базой, руководители этих политий воспроизводили поведение

коллорационистов; отсутствовала их поддержка со стороны внешних акторов – держав-победителей, которые теперь по праву обустроивали послевоенный порядок в Восточной Азии. Идеи независимости в отрыве от реальной ситуации, плохое понимание политики союзников и условий их совместных действий сделали любые попытки монгольских послевоенных лидеров добиться призвания их правосубъектности тщетными.

В отличие от них, государственные и партийные институты, которые выстраивала Коммунистическая партия Китая, оказались более жизнеспособными. Поэтому, ведя речь о роли и значении КПК в отношении монгольского вопроса в послевоенный период, признаем, что имеющийся опыт построения китайской советской государственности, прагматичный подход к конечной цели, своим противникам и союзникам, четкие идеологические ориентиры, харизматичные и узнаваемые руководители с внятной и востребованной народами Китая программой позволили коммунистам сначала ликвидировать разобщенность монгольских земель и переориентировать их лидеров на сотрудничество, затем закрепиться в регионе, сделав его базой для дальнейшего продвижения вглубь Китая, и, наконец, утвердившись в Пекине, провозгласить создание Китайской Народной Республики. Дальнейшие шаги КПК и руководства страны, направленные на обустройство послевоенного Китая, предпринимались с приоритетом национального вопроса во внутренней политике.

Учитывая упоминаемый выше опыт, новым руководством Китая было принято решение не только о сохранении единства Внутренней Монголии в форме автономного района, но и о присоединении к нему ближних пограничных районов с монгольским населением. Также автономному району были предоставлены достаточные права и полномочия, позволившие завершить данный этап государственностроительства и перейти на новый – в новом государстве, под новыми лозунгами и с новыми целями, которые сохраняются в наше время и доказывают правильность выбранного пути.

Главная особенность государственности Внутренней Монголии в том, что создаваемые государственные институты формировались на уже подготовленной почве, когда новое не отрицало старое, а умело использовало его, модифицируя и трансформируя под новые условия.

И даже государственность Мэнцзяна не оказалась напрасной жертвой, поскольку показала стремление монгольского населения к консолидации. Поэтому следует признать, что каждое из государственных образований, создаваемых на территории современного Автономного района Внутренняя Монголия, вносило свой вклад в его объединение и развитие.

Проделанная исследовательская работа показала, каким образом не играющая определяющей роли в формировании регионального политического порядка страна, населенная кочевниками, ревностно стремящимися сохранить свой образ жизни, устои и институты, постепенно становилась объектом ожесточенной конкуренции между крупнейшими державами мира на разных исторических этапах, превращаясь из объекта в не игнорируемый фактор.

При этом организация политической жизни и государственной системы всегда оставалась «за скобками», что являлось явным упущением, поскольку, несмотря на свое далеко не ведущее положение в системе взаимоотношений между странами Восточной Азии, Внутренняя Монголия эффективно выполняла роль своеобразного стабилизатора и индикатора гегемонистских устремлений ее контрагентов: кто контролировал эти земли или умел договариваться с их хозяевами, тот и контролировал регион.

И именно для того, чтобы понять причины столь важной роли Внутренней Монголии и значимость событий, произошедших в переломные моменты истории Восточной Азии на рубеже XIX–XX вв., во многом предопределивших современный политический порядок в этой части Азии, оказалось необходимым вникнуть в суть монгольской государственности в рассматриваемый период, на что и была направлена наша работа.

**Основные положения диссертации
изложены в следующих публикациях автора:**

Работы, опубликованные в российских и иностранных научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ и входящих в международные базы цитирования Scopus и Web of Science

1. Дудин П. Н. Монгольская Алашаньская республика как политический проект 1940-х гг. / П. Н. Дудин // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2014. – № 2. – С. 33–42.

2. Дудин П. Н. Административно-территориальная структура Мэнцзяна / П. Н. Дудин // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2015. – № 4. – С. 47–58.

3. Dudin P. I. Ya. Korostovetz, «the creator of Mongolia» and Russian diplomatic mission in Urga in 1912 // Bylye Gody. – 2017. – Vol. 43. – Is. 1. – P. 274–284.

4. Dudin P. The Role of Russian diplomatic mission in Beijing in safeguarding Russia's interests in the establishment of the statehood of Barga (1912–1915) / P. Dudin // Bylye Gody. – 2017. Vol. 46. – Is. 4. – P. 1534–1545.

5. Dudin P. The new political elite of Inner Mongolia and its role in Mengjiang State creation / P. Dudin // Brukenthal. Acta Musei. – 2017. – Vol. 12. – Is. No. 1. – P. 151–160.

6. Dudin P. Russian concessions on the Yalu River, 1897–1903: who and how formed the opinion of Nicholas II about the «Korean vector» of imperial politics in the Far East on the eve of the Russo-Japanese War / P. Dudin // Bylye Gody. – 2020. – Vol. 57. – Is. 3. – P. 1340–1358.

*Работы, опубликованные в научных изданиях,
рекомендованных ВАК РФ*

7. Дудин П. Н. История международных договоров, закрепляющих статус Монголии в начале XX века (1911–1924 гг.) / П. Н. Дудин // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – Вып. 7. Серия. История. – С. 162–165.

8. Дудин П. Н. Государственность Мэнцзяна: хронология становления / П. Н. Дудин // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – Вып. 7. Серия. История. – С. 110–115.

9. Дудин П. Н. Место и роль японских советников в системе органов государственной власти Мэнцзяна / П. Н. Дудин // Власть. – 2014. – № 7. – С. 104–109.

10. Дудин П. Н. Правовые основы экономической политики Японии на оккупированных территориях Северо-Восточного Китая / П. Н. Дудин // Власть. – 2014. – № 12. – С. 155–159.

11. Дудин П. Н. Геополитические факторы становления монгольской государственности во Внутренней Азии / П. Н. Дудин, К. Б.-М. Митупов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 7. Серия История. – С. 12–15 (авторский вклад: П. Н. Дудин – 0,2 п. л., К. Б.-М. Митупов – 0,05 п. л.).

12. Дудин П. Н. Место и роль религии и религиозных институтов в процессе становления государственности во Внутренней Монголии в 1930–1940-х гг. / П. Н. Дудин // Власть. – 2015. – № 2. – С. 137–140.

13. Дудин П. Н. Правовая основа деятельности органов государственной власти Маньчжоу-Го (на материалах научных трудов преподавателей русского Юридического факультета в г. Харбине) / П. Н. Дудин // Власть. – 2015. – № 11. – С. 176–180.

14. Дудин П. Н. К вопросу о судьбе преподавателей юридического факультета г. Харбина, вернувшихся в СССР / П. Н. Дудин // Исторический журнал: научные исследования. – 2017. – № 1. – С. 11–17.

15. Дудин П. Н. Договорный механизм обеспечения российского стратегического присутствия на Дальнем Востоке (на примере КВЖД) / П. Н. Дудин // Исторический журнал: научные исследования. – 2017. – № 6. – С. 63–71.

16. Дудин П. Н. Барга как часть сферы российских стратегических интересов в Восточной Азии в первой четверти XX в.: договорный аспект / П. Н. Дудин // Genesis: исторические исследования. – 2020. – № 8. – С. 12–25.

Монографии и разделы монографий

17. Дудин П. Н. Политическая история Мэнцзяна / П. Н. Дудин. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. – 300 с.

18. Дудин П. Н. Политическая история Мэнцзяна. Изд-е 2-е. – Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2017. – 316 с.

19. Дудин П. Н. Становление монгольской государственности (первая половина XX в.) / П. Н. Дудин, К. Б.-М. Митупов. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. – 228 с. (авторский вклад: П. Н. Дудин – 10 п. л., К. Б.-М. Митупов – 4,25 п. л.).

20. Дудин П. Н. Становление и развитие органов государственной власти и правовой идеологии Маньчжоу-Го/ П. Н. Дудин, В. В. Досовицкая, Л. В. Курас [и др.] // Государственная и квазигосударственная природа Маньчжоу-Го: исторические очерки / науч. ред. Б. В. Базаров. – Иркутск: Оттиск, 2016. – С. 42–52.

Работы, опубликованные в других научных изданиях

21. Дудин П. Н. Конституционное развитие Монголии в 1920–1940-е гг. / П. Н. Дудин // Конституция и законодательство Республики Бурятия в структуре российского законодательства: сборник научных трудов. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. – С. 80–89.

22. Дудин П. Н. Внешняя Монголия и вопросы приобретения независимости в первой четверти XX в. (1911–1924 гг.) / П. Н. Дудин // Адвокатура и общество: материалы Российской научно-практической конференции. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. – С. 29–37.

23. Дудин П. Н. Политико-правовые вопросы становления государственности Монголии в первой четверти XX в. / П. Н. Дудин // Бурятия в условиях модернизации российского общества: материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Иркутск: Оттиск, 2011. – С. 48–53.

24. Дудин П. Н. Монгольская теократия на пути становления государственности в 1911–1924 гг. / П. Н. Дудин // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – Вып. 2а. – С. 110–115.

25. Дудин П. Н. Политико-правовая характеристика государственностроительства и государственности Монголии в первой половине XX в. / П. Н. Дудин // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – Вып. 2а. – С. 42–52.

26. Дудин П. Н. Право и политика Китая / П. Н. Дудин. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. – 100 с.

27. Дудин П. Н. Право и политика Монголии / П. Н. Дудин, А. В. Михалев. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. – 80 с. (авторский вклад: П. Н. Дудин – 3,0 п. л., А. В. Михалев – 2,0 п. л.).

28. Дудин П. Н. Меценат эпохи Синьхая / П. Н. Дудин // Концепт: научно-методический электронный журнал. – 2013. – Т. 3. – С. 1281–1285.

29. Дудин П. Н. Государственный суверенитет, автономия и соглашение России с Монголией 1912 г. / П. Н. Дудин // Россия – Монголия. Сто лет дипломатического сотрудничества: материалы международной научно-практической конференции. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2013. – С. 82–90.

30. Дудин П. Н. Статус гражданина в основных нормативных правовых актах Монголии в 1911–1960 гг. / П. Н. Дудин // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. – 2013. – Вып. 1. – С. 118–131.

31. Дудин П. Н. «Кочующая» столица Мэнцзяна / П. Н. Дудин // Eurasia: Statum et Legem. – 2014. – № 1. – С. 27–44.

32. Дудин П. Н. Монгольское законодательство и уголовно-правовые нормы Мэнцзяна: статистические данные и основные характеристики / П. Н. Дудин // Социология уголовного права: коллизии уголовно-правовой статистики. – Москва: Юриспруденция, 2014. – С. 248–262.

33. Дудин П. Н. Первый президент Мэнцзяна / П. Н. Дудин // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. – 2014. – № 1. – С. 75–83.

34. Дудин П. Н. Предпосылки становления государственности в провинции Нинся / П. Н. Дудин // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2014. – № 6. – С. 67–72.

35. Дудин П. Н. Автономистское движение во Внутренней Монголии: первоначальный этап государствовоительства / П. Н. Дудин // Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура): сборник материалов научно-практической конференции. – Иркутск, 2015. – С. 70–74.

36. Дудин П. Н. Мэнцзян на страницах научной литературы / П. Н. Дудин // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2015. – № 1(17). – С. 57–69.

37. Дудин П. Н. Процесс автономизации во Внутренней Монголии в 1930-е гг. и предпосылки образования Мэнцзяна / П. Н. Дудин // *Eurasia: Statum et Legem.* – 2015. – № 4. Проблемы государственности в пределах евразийского пространства. – С. 158–162

38. Дудин П. Н. Международное признание Мэнцзяна и политическая карта Внутренней Азии в 1930–1940-е гг. XX в. / П. Н. Дудин // *Международные отношения в Центральной и Восточной Азии: история и современность (дипломатия на Востоке): тезисы VII международной научно-практической конференции.* – Красноярск, 2015. – С. 27–29.

39. Дудин П. Н. К вопросу о соотношении понятий «государственный суверенитет» и «автономия» в контексте монгольской независимости / П. Н. Дудин // *Инновации в науке, образовании и производстве Казахстана: материалы международной научно-практической конференции (ноябрь 2015 г.). Т. 2.* – Алматы, 2015. – С. 373–378.

40. Дудин П. Н. Моделирование процессов государственностроительства у монголоязычных народов российско-китайского приграничья / П. Н. Дудин, А. К. Павлов // *Россия и Китай: история и культура: сборник статей и докладов участников VIII научно-практической конференции (сентябрь 2015 г.).* – Казань, 2015. – С. 85–88 (авторский вклад: П. Н. Дудин – 0,15 п. л., А. К. Павлов – 0,1 п. л.).

41. Dudin P. N. Statehood in Inner Asia: Mongolian peoples of the Russian-Chinese border area from becoming a part of the Qing Empire to the formation of the People's Republic of China / P. N. Dudin, A. B. Namjilon, A. K. Pavlov, L. V. Tiraeva // *The National Development and Legal Collaboration of Northeast Asia: The 3-rd International Symposium of Comparative Law of Northeast Asia.* – Changchun, 2015. – P. 99–104 (авторский вклад: П. Н. Дудин – 0,2 п. л., А. Б. Намжилон – 0,075 п. л., А. К. Павлов – 0,05 п. л., Л. В. Типаева – 0,05 п. л.).

42. Дудин П. Н. Монгольская государственность и монгольское право – на страницах трудов преподавателей Юридического факультета г. Харбин / П. Н. Дудин // *Россия и Монголия: история, дипломатия, экономика, наука: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию установления*

дипломатических связей между Россией и Монголией (март 2016 г.). – Иркутск, 2016. – С. 139–144.

43. Дудин П. Н. Проблемы изучения государства и права Китая в контексте расширения стратегического партнерства Российской Федерации и Китайской Народной Республики / П. Н. Дудин // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. – 2016. – Серия 2. Юридические науки. – № 1(8). – С. 9–16.

44. Дудин П. Н. К вопросу о правовом регулировании приграничной зоны Маньчжоу-Го / П. Н. Дудин // Известия Иркутского государственного университета. – 2016. – Серия. История. – Т. 17. – С. 100–108.

45. Дудин П. Н. Государственность монгоязычных народов Внутренней Азии в 1920–1930-е гг., находящихся в зоне советского влияния / П. Н. Дудин, Р. Р. Ражбадинов // Политика и общество. – 2016. – № 11. – С. 1521–1529.

46. Молотников А. Е. Предисловие к выдержкам из книги «Избранные труды Юридического факультета в Харбине» / А. Е. Молотников, П. Н. Дудин // Приложение к «Предпринимательское право». – 2017. – № 1. – С. 46–52 (авторский вклад – равнозначный).

47. Шемелин А. В. Становление и развитие органов государственной власти Маньчжоу-Го / А. В. Шемелин, П. Н. Дудин // Вторая мировая война: предыстория, события, уроки: сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Великой Победы над немецким фашизмом и японским милитаризмом. В 2 ч. / под ред. Е. В. Дроботушенко. – Чита, 2015. – С. 27–31 (авторский вклад: П. Н. Дудин – 0,2 п. л., А. В. Шемелин – 0,125 п. л.).

48. Dudin P. N. The Boundaries, Sovereignty and Legal Status of Concessions in China in the Late 19th and Early 20th Centuries/ P. N. Dudin / in The Hulunbuir and Transbaikalia Playground. Microphysics of Power on the Sino-Russian Border/ Edited by Ivan Peshkov. Adam Mickiewicz University in Poznań, Faculty of Political Science and Journalism. – Poznań, 2020. – P. 11–20.

Подписано в печать 15.09.2020. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 2,6. Уч.-изд. л. 2,5.
Тираж 100 экз. Заказ №.

Отпечатано в типографии Изд-ва БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.